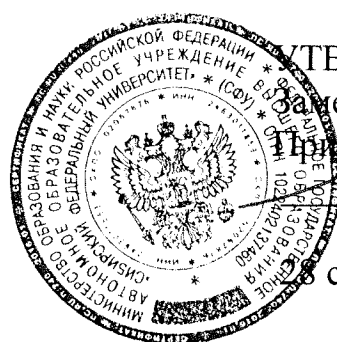

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УТВЕРЖДАЮ

Председатель
Целевой комиссии

М. В. Румянцев

8 сентября 2017 г.

ПРОГРАММА

**вступительного испытания в магистратуру
в форме устного экзамена
Направление 45.04.01 «Филология»**

**Магистерская программа 45.04.01.02 «Русская литература»
(институт филологии и языковой коммуникации)**

Красноярск 2017

1. Содержание программы (по дисциплине «Русская литература»)

1. Прочтите фрагмент из начальной русской летописи «Повесть временных лет». Выявите признаки архаичной картины мира в приведенном фрагменте.

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые - свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровьями и деверьями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее - что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывали, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по стовору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

2. Прочтите отрывки из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и из повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». С учетом историко-идеологического контекста русской культуры конца XVIII в. прокомментируйте спонтанное сходство между обоими произведениями.

А.Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

Н.М. Карамзин. «Бедная Лиза»

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаем, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать.

3. Прочтите стихотворения Г.Р. Державина и А.С. Пушкина. Определите их сходства и отличия, а также ответьте на вопрос, к какой теме из античной поэзии они восходят.

Г. Р. Державин

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.
Так! - весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.
Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из неизвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.
О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

А. С. Пушкин

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит -
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

4. Прочтите и сопоставьте фрагменты из поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» и из рассказа Л.Н. Толстого «Кавказский пленник». В чем суть полемики Толстого с Пушкиным?

А. С. Пушкин

<...>

В Россию дальний путь ведет,
В страну, где пламенную младость

Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье,
Где бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье,
И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил.

Людей и свет изведал он,
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашед измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.

<...>

Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.
На деву молча смотрит он
И мыслит: это лживый сон,
Усталых чувств игра пустая.
Луною чуть озарена,
С улыбкой жалости отрадной
Колена преклонив, она
К его устам кумыс {б} прохладный
Подносит тихою рукой.
Но он забыл сосуд целебный;
Он ловит жадною душой
Приятной речи звук волшебный
И взоры деви молодой.
Он чуждых слов не понимает;
Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.
И он, собрав остаток сил,
Веленью милому покорный,
Привстал - и чашей благотворной
Томленья жажды утолил.

<...>

Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.

<...>

Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взор
Высказывал любовь и радость.
Когда твой друг во тьме ночной
Тебя лобзал немим лобзаньем,
Сгорая негой и желаньем,
Ты забывала мир земной,
Ты говорила: "Пленник милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись головой ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я в пустыне
С тобою, царь души моей!
Люби меня; никто доньше
Не целовал моих очей;
К моей постеле одинокой
Черкес молодой и черноокой
Не крался в тишине ночной;
Слыву я девою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребий мне готовый:
Меня отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата;
Но умолю отца и брата,
Не то - найду кинжал иль яд.
Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена..."

<...>

Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась:
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась -
И цепь распалась и гремит.
"Ты волен, - дева говорит, -
Беги!" Но взгляд ее безумный
Любви порыв изобразил.
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил.
"О друг мой! - русский возопил, -
Я твой навек, я твой до гроба.
Ужасный край оставим оба,
Беги со мной..." - "Нет, русский, нет!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропал и след.
Возможно ль? ты любил другую!..
Найди ее, люби ее;
О чем же я еще тоскую?
О чем уныние мое?..
Прости! любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости - забудь мои мученья,
Дай руку мне... в последний раз".

К черкешенке простер он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел.

Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу в тишине -
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них...
Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...
На дикой берег выходит он,
Глядит назад, берега яснили
И, опененные, белели;
Но нет черкешенки молодой
Ни у берегов, ни под горой...
Все мертво... на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкой звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.
<...>

Л. Н. Толстой

<...>

Красный татарин вошел, проговорил что-то, точно ругается, и стал, облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый – быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит — подошел прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищелкивает. Все приговаривает:

- Корошо урус! корошо урус!

Ничего не понял Жилин и говорит:

- Пить, воды пить дайте.

Черный смеется.

- Корош урус, — все по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то:

- Дина!

Прибежала девочка, тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие, с высокими каблучками, на шее монисто [Монисто — ожерелье из бус, монет или цветных камней], все из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, и в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьет, - как на зверя какого.

<...>

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин все смеется: «Твоя, Иван, хорош, - моя, Абдул, хорош». А кормил плохо — только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тесто непеченое.

Костылин еще раз писал домой, все ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдет, а другого не писал.

«Где, - думает, - матери столько денег взять за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец; бог даст — и сам выберусь».

А сам все высматривает, выпытывает, как ему бежать.

Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетет плетенки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидела куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подает им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушел в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребенка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, еще лучше, отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» - думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думал – вода, а там молоко. Выпил он молоко.

- Хорошо, - говорит.

Как взрадуется Дина!

- Хорошо, Иван, хорошо! - и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшинчик и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах, - так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, - так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

<...>

Поговорили и ушли. Вдруг слышит зашуршало что-то наверху. Видит — Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки. Вынула из рукава две сырные лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

- Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На, вот! - Стал ей швырять по одной, а она головой мотает и не смотрит.

- Не надо! - говорит. Помолчала, посидела и говорит:

- Иван, тебя убить хотят. - Сама себе рукой на шею показывает.

- Кто убить хочет?

- Отец, ему старики велят, а мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

- А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, что «нельзя». Он сложил руки, молится ей.

- Дина, пожалуйста. Динушка, принеси.

- Нельзя, - говорит, - увидят, все дома. - И ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «Что будет?» Все поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не восходил. Мулла прокричал, затихло все. Стал уже Жилин дремать, думает: «Побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась, глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил; шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх: звезды высоко в небе блестят, и над самой ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет:

- Иван, Иван! - А сама руками у лица все машет, что «тише, мол».

- Что? - говорит Жилин.

- Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

- Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз; я тебя посажу.

Костылин и слышать не хочет.

- Нет, - говорит, - уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и повернуться сил нет?

- Ну, так прощай, не поминай лихом. - Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать и полез. Раза два он обрывался, - колодка мешала. Поддержал его Костылин, - выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеется. Взял Жилин шест и говорит:

- Снеси на место, Дина, а то хватятся – прибудут тебя. - Потасила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий, никак не собьет, да и неловко. Слышит – бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

- Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села под-

ле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит, налево за горой зарево красное загорелось. Месяц встает. «Ну, - думает, - до месяца надо лошину пройти, до леса добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, да надо идти.

- Прощай, - говорит, - Динушка. Век тебя помнить буду.

<...>

5. Сравните приведенные ниже отрывки из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и постарайтесь объяснить значение образов охоты в романе.

Охота в Отрадном:

Граф, забыв стереть улыбку с лица, смотрел перед собой вдаль по перемышке и, не нюхая, держал в руке табакерку. Вслед за лаем собак послышался голос по волку, поданный в басистый рог Данилы; стая присоединилась к первым трем собакам и слышно было, как заревели с заливом голоса гончих, с тем особенным подвыванием, которое служило признаком гона по волку. Доезжачие уже не порскали, а улюлюкали, и из-за всех голосов выступал голос Данилы, то басистый, то пронзительно-тонкий. Голос Данилы, казалось, наполнял весь лес, выходил из-за леса и звучал далеко в поле.

Прислушавшись несколько секунд молча, граф и его стремянной убедились, что гончие разбились на две стаи: одна большая, ревавшая особенно горячо, стала удаляться, другая часть стаи понеслась вдоль по лесу мимо графа, и при этой стае было слышно улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, но оба удалялись. Семен вздохнул и нагнулся, чтоб оправить сворку, в которой запутался молодой кобель; граф тоже вздохнул и, заметив в своей руке табакерку, открыл ее и достал щепоть. "Назад!" крикнул Семен на кобеля, который выступил за опушку. Граф вздрогнул и уронил табакерку. Настасья Ивановна слез и стал поднимать ее.

<...>

Волк приостановил бег, неловко, как больной жабой, повернул свою лобастую голову к собакам, и также мягко переваливаясь прыгнул раз, другой и, мотнув поленом (хвостом), скрылся в опушку. В ту же минуту из противоположной опушки с ревом, похожим на плач, растерянно выскочила одна, другая, третья гончая, и вся стая понеслась по полю, по тому самому месту, где пролез (пробежал) волк. Вслед за гончими расступились кусты орешника и показалась бурая, почерневшая от поту лошадь Данилы. На длинной спине ее комочком, валясь вперед, сидел Данила без шапки с седыми, встрепанными волосами над красным, потным лицом.

- Улюлюлю, улюлю!... - кричал он. Когда он увидел графа, в глазах его сверкнула молния.

- Ж... - крикнул он, грозясь поднятым арапником на графа.

- Про...ли волка-то!... охотники! - И как бы не удостоивая сконфуженного, испуганного графа дальнейшим разговором, он со всей злобой, приготовленной на графа, ударил по ввалившимся мокрым бокам бурого мерина и понесся за гончими. Граф, как наказанный, стоял оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать в Семене сожаление к своему положению. Но Семена уже не было: он, в объезд по кустам, заскакивал волка от засеки. С двух сторон также перескакивали зверя борзятники. Но волк пошел кустами и ни один охотник не перехватил его.

<...>

Данила скакал молча, держа вынутый кинжал в левой руке и как цепом молочка своим арапником по подтянутым бокам бурого.

Николай не видал и не слышал Данилы до тех пор, пока мимо самого его не пропыхтел тяжело дыша бурый, и он услышал звук паденья тела и увидел, что

Данила уже лежит в середине собак на заду волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для собак, и для охотников, и для волка, что теперь все кончено. Зверь, испуганно прижав уши, старался подняться, но собаки облепили его. Данила, привстав, сделал падающий шаг и всей тяжестью, как будто ложась отдыхать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотел колотить, но Данила прошептал: "Не надо, соструним", - и переменяя положение, наступил ногою на шею волку. В пасть волку заложили палку, завязали, как бы взнуздав его сворой, связали ноги, и Данила раза два с одного бока на другой перевалил волка.

Атака отряда Николая Ростова на французских драгун летом 1812 г.:

Ростов своим зорким охотничьим глазом один из первых увидел этих синих французских драгун, преследующих наших улан. Ближе, ближе подвигались расстроенными толпами уланы, и французские драгуны, преследующие их. Уже можно было видеть, как эти, казавшиеся под горой маленькими, люди сталкивались, нагоняли друг друга и махали руками или саблями.

<...>

Ростов, не дослушав его, толкнул лошадь, выскакал вперед эскадрона, и не успел он еще скомандовать движение, как весь эскадрон, испытывавший то же, что и он, тронулся за ним. Ростов сам не знал, как и почему он это сделал. Все это он сделал, как он делал на охоте, не думая, не соображая. Он видел, что драгуны близко, что они скачут, расстроены; он знал, что они не выдержат, он знал, что была только одна минута, которая не воротится, ежели он упустит ее. Пули так возбуждительно визжали и свистели вокруг него, лошадь так горячо просилась вперед, что он не мог выдержать. Он тронул лошадь, скомандовал и в то же мгновение, услышав за собой звук топота своего развернутого эскадрона, на полных рысях, стал спускаться к драгунам под гору. Едва они сошли под гору, как невольно их аллюр рыси перешел в галоп, становившийся все быстрее и быстрее по мере того, как они приближались к своим уланам и скакавшим за ними французским драгунам.

Повествователь о французской армии после Бородинской битвы

Подбитый зверь под Бородиным лежал там где-то, где его оставил отбежавший охотник; но жив ли, силен ли он был, или он только притаился, охотник не знал этого. Вдруг послышался стон этого зверя.

Стон этого раненого зверя, французской армии, обличивший ее погибель, была присылка Лористона в лагерь Кутузова с просьбой о мире.

<...>

Положение всего войска было подобно положению раненого животного, чувствующего свою погибель и не знающего, что оно делает. Изучать искусные маневры Наполеона и его войска и его цели со времени вступления в Москву и до уничтожения этого войска - все равно, что изучать значение предсмертных прыжков и судорог смертельно раненного животного. Очень часто раненое животное, заслышав шорох, бросается на выстрел на охотника, бежит вперед, назад и само ускоряет свой конец. То же самое делал Наполеон под давлением всего его войска. Шорох Тарутинского сражения спугнул зверя, и он бросился вперед на выстрел, добежал до охотника, вернулся назад, опять вперед, опять назад и, наконец, как всякий зверь, побежал назад, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому следу.

6. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Аркадий Свидригайлов дает такую (см. ниже) характеристику Дуне Раскольниковой. Прокомментируйте ее. Какие эпохи и местности имеет в виду Свидригайлов? Что он имеет в виду, говоря о возможных подвигах Дуни в эти эпохи?

Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит.

7. Прочтите рассказ А.П. Чехова «Толстый и тонкий» и постарайтесь ответить на вопросы: кто такие Герострат и Эфиальт? Как эти прозвища, взятые из античной истории, конкретизируют смысл образов героев?; почему композиция рассказа основана на повторе ситуации знакомства?

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком - его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом - его сын.

- Порфирий! - воскликнул толстый, увидев тонкого. - Ты ли это? Голубчик мой!

Сколько зим, сколько лет!

- Батюшки! - изумился тонкий. - Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез.

Оба были приятно ошеломлены.

- Милый мой! - начал тонкий после лобызания. - Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

- В гимназии вместе учились! - продолжал тонкий. -- Помнишь, как тебя дразнили?

Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня!

Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

- Ну, как живешь, друг? - спросил толстый, восторженно глядя на друга. - Служишь где? Дослужился?

- Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

- Нет, милый мой, поднимай повыше, - сказал толстый. - Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...

- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и друг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

- Ну, полно! - поморщился толстый. - Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства - и к чему тут это чинопочитание!

- Помилуйте... Что вы-с... - захихикал тонкий, еще более съеживаясь. - Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: "хи-хи-хи". Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

8. В повести И.А. Бунина «Деревня» есть такой эпизод (см. ниже). Исследователи говорят о его сходстве с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души». Почему?

Расспросили в другом дворе. Проехали широкую улицу, взяли влево, потом вправо я мимо чьей-то старосветской усадьбы с забитым наглухо домом стали спускаться под крутую гору, к мосту через речку. С лица, с волос, с чекменя Меньшова падали капли. Умытое толстое лицо его с белыми крупными ресницами казалось еще тупее. Он с любопытством заглядывал куда-то вперед. Глянул и Кузьма. На том боку, на покато выгоне, - темный казаковский сад, широкий двор, обнесенный разрушающимися службами и развалинами каменной ограды; среди двора, за тремя засохшими елками, - обшитый серым тесом дом под ржаво-красной крышей. Внизу, у моста, - кучка мужиков. А впереди, на крутой размытой дороге, бьется в грязи, вытягивается вверх тройка худых рабочих лошадей, запряженных в тарантас. Оборванный, но красивый батрак, бледный, с красноватой бородкой, с умными глазами, стоял возле тройки, дергал вожжи и, надсаживаясь, кричал: "Н-но! Н-но-о!" А мужики с гоготом и свистом подхватывали: "Тпру! Тпру!" И отчаянно простирали вперед руки сидевшая в тарантасе молодая женщина в трауре, с крупными слезами на длинных ресницах. Отчаяние было и в бирюзовых глазах толстого рыжеусого человека, сидевшего с ней рядом. Обручальное кольцо блестело на его правой руке, сжимавшей револьвер; левой он все махал, и, верно, ему было очень жарко в верблюжьей поддевке и суконном картузе, съехавшем на затылок. А со скамеечки против сиденья с кротким любопытством озирались дети - мальчик и девочка, бледные, закутанные в шали.

- Это Мишка Сиверский, - громко и сипло сказал Меньшов, объезжая тройку и равнодушно глядя на детей. - Его сожгли вчера... Видно, стоит того.

9. Прочитайте стихотворение К.Д. Бальмонта «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...» из сборника «Будем как Солнце». Определите характерные особенности этого текста как примера символистской поэзии.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страдания пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

10. Прочтите стихотворение М.И. Цветаевой «Идешь, на меня похожий...». Выявите в его поэтике черты жанров эпитафии, элегии и баллады.

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет -
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!
И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!
Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.
Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.
Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
- И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

2. КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

<i>баллы</i>	<i>критерии оценивания</i>
100-81	Теоретически хорошо оснащенное сопоставление предлагаемых фрагментов, заключающееся во всеобъемлющем привлечении эстетического, историко-культурного, социального контекстов эпохи (или эпох – если фрагменты относятся к разным этапам историко-литературного процесса); исчерпы-

	вающее владение литературоведческой терминологией.
80-59	Вывод из сопоставления и/или анализа делается в целом верный, но экзаменуемому не хватает теоретического обоснования и/или знания особенностей контекста (эпохи).
58-41	Понимание текстов продемонстрировано, интуитивно студент способен представить верные наблюдения, но приемами научного анализа автор ответа не владеет.
40 и менее	Непонимание предложенных для анализа текстов, неумение связать их с эпохой возникновения, отсутствие понятийного языка описания.

Руководитель магистерской программы

К.В. Анисимов,
проф., д-р филол. наук